

его центральной фигурой и получить престол. По некоторым свидетельствам, первые беседы о заговоре относятся еще к июню 1639 г. Составив план действий, заговорщики посвятили в него герцога. Однако тот счел, что время для таких дел еще не пришло. Заговор остался неосуществленным, но не был забыт.

Оливарес, достаточно хорошо осведомленный о том, что происходило в Лиссабоне, хотя и не знал о заговоре, не мог не чувствовать скрытой угрозы в настроениях португальцев. С 1639 г. он и Филипп IV представляли себе, кто из португальской знати наиболее опасен, и собирались переселить их в Кастилию, ближе ко двору под недреманное око графа-герцога. В 1640 г. вспыхнуло известное восстание в Каталонии с требованием автономии и отделения от Кастилии. Начались волнения в других местах — в Кастилии и Португалии. Среди португальцев оживают себастьянистские настроения, ширится ожидание возвращения исчезнувшего короля и восстановления утраченного португальского трона.

Намереваясь одним ударом отсечь сразу две мятежные головы, в августе 1640 г. Филипп IV повелел всей португальской знати и командорам орденов, без всяких исключений или извинений, сопровождать его в Арагон против восставшей Каталонии¹⁹.

И само каталонское восстание, как напоминание о способе обретения свободы, и требование выехать в Каталонию, лишив тем самым возможности предпринять что-либо на родине, подтолкнули португальскую знать к действию. 12 октября заговорщики собрались у Антана Алмады, после чего один из них, Фуртаду, выехал в Эвору, чтобы выяснить позиции эворской знати, а затем в Вила-Висозу для доверительного разговора с герцогом. Оттуда он сообщил: Бранса согласен, пора действовать.

Ночью 28 ноября заговорщики назначили переворот на 1 декабря. Кое-кто, испугавшись близившегося дела, отказался продолжать игру с огнем. Всего к 1 декабря в заговор вошло около 40 человек. Население Лиссабона, городские власти и крупные купцы и банкиры ничего не знали о готовящемся перевороте. Лишь уже после собрания 28 ноября заговорщики связались с несколькими представителями горожан. Те, памятуя Эвору и 1638 год, долго колебались, но в конце концов согласились поддержать выступление знати. Правда, в течение самого переворота высшие городские слои сохраняли скорее дружественный нейтралитет, чем активно помогали дворянам.